

ARTICLE/СТАТЬЯ

В. А. ИЛЬИНЫХ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ВОЗВЫШЕНИЕ И ПАДЕНИЕ АГРАРНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Общепризнанными чертами нэпа является его относительный идеологический плюрализм и воздействие на текущую управленческую деятельность экспертов, которые имели отличные от марксистских взгляды на решение стратегических задач развития России. Земельные органы¹ относились к структурам с высокой степенью влияния так называемых буржуазных и мелкобуржуазных специалистов. В задачи настоящей работы входит определение степени влияния аграрных экспертов (ученых и специалистов) на деятельность земельных органов Сибири на различных этапах реализации новой экономической политики. Сибирь в исследуемый период относилась к основным сельскохозяйственным регионам и отличалась ярко выраженными особенностями аграрных отношений, в частности, высоким уровнем зажиточности крестьянства.

Изучение поставленной проблемы имеет непосредственный выход на решение ряда важнейших проблем современной историографии нэпа, в том числе проблем альтернатив решения аграрного вопроса, методов реформирования аграрного строя и экономического механизма в целом, взаимоотношений государственной власти и крестьянства, центральной и местных элит. На основе анализа деятельности земельных органов можно определить внутреннюю динамику и периодизацию нэпа.

В годы нэпа высоким авторитетом среди работников земельных органов, а также части связанной с выработкой и реализацией аграрной политики партийно-хозяйственной номенклатуры, пользовались эксперты, представляющие организационно-производственное направление экономической науки («неонародники»), наиболее видным

1. Земельные органы – принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных управленческих структур, в ведение которых входило управление сельским хозяйством

теоретиком которого являлся А. В. Чаянов.² С трудами А. В. Чаянова был хорошо знаком и В. И. Ленин. Более того, существует точка зрения, что его знаменитая статья «О кооперации» написана под непосредственным воздействием чаяновской концепции.

А. В. Чаянов исходил из примата сельского хозяйства над промышленностью и считал, что наиболее устойчивой, общественно значимой и социально справедливой формой организации сельхозпроизводства являются не фермерские или коллективные, а семейно-трудовые крестьянские хозяйства.

По мере вовлечения в товарное производство подобные хозяйства объединяют (кооперируют) свои усилия по осуществлению тех операций аграрно-производственного цикла, выполнение которых в рамках каждого из них неэффективно. Это сбыт, снабжение, переработка, мелиорация, семеноводство и т.п. На этой базе создаются соответствующие специализированные (по терминологии А. В. Чаянова, «вертикальные») кооперативы. Кооперированию не подлежат лишь непосредственное выращивание сельскохозяйственных культур и животных. Данные отрасли должны всецело остаться в рамках индивидуального крестьянского хозяйства, поскольку их кооперирование (т.е. создание полных производственных или «горизонтальных» кооперативов) нецелесообразно и неэффективно. Более того, производственная коллективизация, которая ликвидирует семейно-трудовые хозяйства, ведет к своеобразному раскрестьяниванию деревни, несущему негативные социальные последствия и для сельского хозяйства, и для страны в целом. Идеальную же форму будущего аграрного устройства А. В. Чаянов видел в сочетании семейно-трудовых хозяйств с их всесторонним и комплексным кооперированием по вертикальному принципу (теория «кооперативной коллективизации»).

Реорганизация сельского хозяйства на кооперативных началах должна в обязательном порядке сопровождаться созданием благоприятных общеэкономических условий для поступательного развития аграрного производства, а также оказанием масштабной и комплексной организационно-финансовой помощи крестьянским хозяйствам. В качестве одного из важнейших направлений организации помощи крестьянству рассматривалось агрономическое обслуживание, под которым понимался комплекс мероприятий по налаживанию производства, повышению культуры земледелия и животноводства, внедрению научных достижений и передового опыта. Понятие «агроно-

2. См.: Чаянов А. В., *Основные идеи и методы общественной агрономии* (Москва: «Московское товарищество книгоиздательства по вопросам с.-хозяйственной экономики и политики», 1918); Он же, *Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий* (Москва: Новая Москва, 1922); Он же, *Организация крестьянского хозяйства* (Москва: Кооперативн. изд-во, 1925); Он же, *Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации* (Москва: Книгосоюз 1924).

мическое» в данном контексте базируется на широком значении термина «агрономия», понимаемом как совокупность знаний обо всех отраслях сельского хозяйства, а не только о полеводстве. Агрономическое обслуживание, по мнению А. В. Чайнова, должно было иметь общественный характер, побуждая широкие массы крестьянства к переходу к рациональным формам ведения хозяйства. Отрицая социальную дифференциацию крестьянства в условиях нэпа, «неонародники» выступали против «классового подхода» в агрообслуживании.

После реставрации советской власти в конце 1919 – начале 1920 г. в Сибири началось создание централизованной системы управления сельским хозяйством. Были образованы Сибземотдел при Сибревкоме, губернские и уездные земельные отделы. Основным методом привлечения в них специалистов являлась трудовая мобилизация на «действительную службу по сельскому хозяйству».³ Приоритетное внимание земельных органов в условиях «военного коммунизма» уделялось агрообслуживанию колхозов и совхозов. При его проведении в отношении единоличного крестьянства применялся т.н. классовый подход, в соответствии с которым агрономическая помощь, прежде всего, оказывалась бедноте, а зажиточные слои ее лишались. Более того, осуществлялась конфискация живого и мертвого инвентаря и других ресурсов у зажиточных крестьян с их последующим предоставлением в распоряжение колхозов, бедняков, семей красноармейцев, хозяйств «пострадавших от контрреволюции». В рамках т.н. внутриволюстного перераспределения семена изымались у всех хозяйств, имевших их «излишки». Агромероприятия в деревне выполнялись в основном в рамках «ударных» кампаний, базовым методом проведения которых являлось разверстание плановых заданий и принуждение крестьян к их исполнению. Основными организаторами «ударных» кампаний были партийные и советские органы. Специалисты земельных органов, как правило» играли в них вспомогательную роль.

Переход к новой экономической политике не сразу изменил ситуацию. Весенняя посевная кампания 1921 г. прошла с использованием многих «военно-коммунистических» приемов, включая принятие обязательных для выполнения посевных планов и принудительное изъятие семян для последующего перераспределения. Однако по мере развертывания нэпа изменения в принципах агрономического обслуживания становились все более очевидными. Состоявшийся 3–11 июля 1921 г. II Всесибирский земельный съезд, в качестве приоритетной цели земельных органов региона определил поддержку индивидуального крестьянского хозяйства, которое таким образом становилось основным объектом агрономического обслуживания. При этом базовым принципом работы в деревне в новых условиях должно было

3. *Советская Сибирь*, 1920, 21 янв.

стать пробуждение и использование инициативы и самостоятельности населения.⁴

В направленном весной 1922 г. в СТО отчете Алтайского губземотдела констатировалось изменение всей системы деятельности земорганов в связи с введением нэпа. Произошел переход от «понуждения» к выполнению государственного задания в обязательном порядке к созданию экономической заинтересованности производителя во внедрении рекомендованных ему мероприятий по улучшению культуры земледелия и животноводства. Вместо бесплатного отпуска сельхозинвентаря вводился их отпуск за наличный расчет, отработку, в обмен на сельхозпродукцию. Государственная материальная и финансовая помощь колхозам была фактически прекращена. Ранее предоставляемые им налоговые льготы отменялись. Совхозы переводились на хозрасчет.⁵

Необходимость приближения системы агрономического обслуживания к крестьянству актуализировало проблему выбора форм организации его низовой сети. В основе ее создания лежало разделение территории уезда на ряд районов, включающих в себя несколько волостей. Создание учреждений в каждой волости в виду их многочисленности и малых размеров было невозможно и нецелесообразно. В дореволюционной России низовая сеть агрообслуживания существовала в форме созданных земствами агрономических участков. В докладе заведующего подотделом сельского хозяйства Сибземотдела Н. И. Вентцера на II Всесибирском земельном съезде предлагалось отказаться от участковой агрономии. Вместо нее в каждый район предполагалось направить специалистов по отдельным отраслям сельского хозяйства, самостоятельно занимавшихся организацией мероприятий по обслуживанию собственной отрасли. Однако во время работы съезда в Сибземотдел поступил циркуляр Наркомзема (НКЗ) РСФСР, в котором предлагалось перейти на участковую организацию агрообслуживания.⁶

В основу участковой организации был заложен принцип комплексного подхода к крестьянскому хозяйству, которое воспринималось как целостный, неделимый организм. Основной задачей агрообслуживания в связи с этим являлось развитие не отдельных отраслей, а хозяйства в целом. В каждом районе следовало создать единый агроучасток, во главе с агрономом. Последний рассматривался не столько как специалист в области растениеводства, сколько как экономист и организатор сельхозпроизводства. Специалист по животноводству (зоотехник) назначался помощником агронома.

4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 66. Л. 7-8.

5. Там же. Д. 258. Л. 19-20.

6. Там же. Д. 66. Л. 8.

Несмотря на прямые указания НКЗ, схема организации агроучастков в Сибири была принята не сразу и не повсеместно. Наиболее последовательно участковая система внедрялась в Омской губернии, руководители земельного управления которой (заведующий земуправления А. М. Розе и зав. отделом сельского хозяйства И. И. Осипов) в своей практической деятельности опирались на опыт дореволюционной земской агрономии. Попытка построить своеобразный гибрид двух систем была предпринята в Алтайской губернии. С целью «приближения к населению всех мероприятий по оказанию непосредственной помощи», большая часть специалистов из губернского и уездных земуправлений направлялась в центры «инструкторских» районов, на которые была разделена губерния. Все прибывающие туда специалисты, а также существующие на месте учреждения и предприятия земорганов объединялись под руководством районного инструктора–организатора в единый центр, получавший название «агробазы». В Сибири имели место также попытки, передачи агроучастков сельхозкооперации, с целью экономии средств местного бюджета. На состоявшемся в декабре 1924 г. 5-м Сибирском земельном совещании агроучасток окончательно был признан единственной формой низовой организации агрообслуживания в Сибири.⁷

В 1924–1926 гг. в ходе т.н. районирования произошли изменения административно-территориального устройства региона. В соответствии с ним приводилась структура земельных органов. Создание укрупненных волостей (районов) придало агрономическим участкам определенные территориальные рамки. 1-й краевой съезд советов постановил в 1926/27 г. установить постоянную сеть агроучастков по числу районов.⁸ До создания полноценных участков в райцентры направлялись участковые агрономы. Агрообслуживание тех районов, в которые они еще не были назначены, проводили инструкторы окружных земельных управлений.

В 1923 г. на территории Сибирского края функционировали 94 агроучастка различного типа (в т.ч. агробазы) и работали 112 участковых агрономов, в 1924 г. число агрономических участков увеличилось до 122, в 1925 г. – до 183, в 1926 г. – до 222, в 1927 г. – до 233, в 1928 г. – до 242.⁹ К 1928 г. агроучастки создали практически во всех сельских районах, за исключением территорий крайнего севера и кочевого скотоводства. Параллельно с заполнением районной сети агроучастками в райцентрах создавались землеустроительные и ветеринарные (ветврачебные или ветфельдшерские) участки. Координа-

7. *Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания* (Новониколаевск: Б.и., 1925), с. 17.

8. ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 2. Д. 5. Л. 141.

9. Там же. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1615. Л. 3; *Сибирская советская энциклопедия* (Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929), т. 1, ст. 17.

ция деятельности находившихся в районе землеустроительных, ветеринарных участков и иных земельных органов возлагалась на участкового агронома. Все мероприятия, проводимые на территории агроучастка по указанию И. И. Осипова, ставшего в декабре 1924 г. областным агрономом, должны были в обязательном порядке согласовываться с участковым агрономом, включаться в участковый план и проводиться под его руководством.¹⁰

Общественный характер агрообслуживания выражался в создании коллегиальных органов. Участковый агроном должен был инициировать учреждение в районе сельскохозяйственного совета, к работе которого помимо членов т.н. низовой земельной ячейки (самого агронома, землеустроителя, ветеринарного врача/фельдшера, лесничего) следовало привлечь представителей райисполкома, районных организаций ВКП(б) и ВЛКСМ, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих, женотдела, кооперативных организаций, сельсоветов, совхозов, колхозов и других производственных кооперативов, опытных полей и станций, земельных обществ, отдельных крестьян-культурников. В задачи совета входило определение и обсуждение проблем сельского хозяйства района.

Для более детальной проработки вопросов развития отрасли, их подготовки для сельхозсовета, повседневного согласования и увязки работ в данной сфере, разрешения срочных вопросов создавался постоянно действующий орган – сельхозбюро. В его состав входили участковый агроном, землеустроитель, ветврач/фельдшер, лесничий, представители райисполкома, райкома ВКП(б) и ВЛКСМ, ККОВ, кредитной кооперации. При каждом агропункте следовало учредить сельскохозяйственный кружок.

На окружном и краевом уровне коллегиальность управления проявлялась в регулярном созыве земельных съездов, агрономических, землеустроительных и иных совещаний, на которые помимо руководителей и специалистов земельных органов приглашались представители партийных и советских органов, кооперации, а также крестьяне-культурники.

В качестве базиса общественного характера агрообслуживания рассматривалась инициатива и самодеятельность крестьянства, которую, в свою очередь, должен был пробуждать персонал низовых земельных органов, создавая потребность в агропомощи со стороны сельских хозяев. По мнению И. И. Осипова, основную угрозу общественному характеру агрономии создает подмена агронома-общественника агрономом-чиновником, который работает не на население, а на районное начальство, участвуя при этом в выявлении скрытых

10. Осипов И. И., «Формы и принципы сибирской агрономической организации», *Земельный работник Сибири*, 1926, № 11, с. 10.

крестьянами объектов налогообложения.¹¹ Определенной гарантией «независимости» земельных работников от районных властей являлось то, что агрономические, а также землеустроительные и ветеринарные участки находились в непосредственном подчинении окружных земуправлений.

В задачи органов, осуществляющих агрономическое обслуживание, входили: 1) координация деятельности землеустроительных, кредитных, машиноснабженческих и других структур и сосредоточение их усилий на оптимальных направлениях развития аграрного сектора; 2) агрономическая пропаганда (пропаганда культурных приемов земледелия и животноводства через лекционную и кружковую работу, опытные станции, сельскохозяйственные выставки и др.); 3) агрономическая помощь (внедрение культурных приемов в земледелие и животноводство, мероприятия по защите растений, очистке семян, улучшению пород скота, внедрению удобрений, введению севооборотов и т.п.).

При реализации данных задач в первые годы нэпа использовались два основных метода работы: массовый и индивидуальный. Индивидуальный метод предполагал оказание на договорной основе агропомощи отдельным крестьянскими хозяйствам, желающим и способным внедрить у себя комплекс передовых приемов ведения земледелия и животноводства. Необходимость «использования инициативы и прогрессивно-хозяйствующей деятельности отдельных передовых хозяйств» была подчеркнута еще II Всесибирским земельным съездом.¹² Данная линия вполне соответствовала указаниям центральных органов власти. Так, в постановлении IX Всероссийского съезда Советов от 26 декабря 1921 г. предлагал НКЗ разработать и законодательно оформить меры «необходимые для охраны и поощрения хозяйств, переходящих к более усовершенствованным и сложным способам ведения хозяйства».¹³

Массовый метод агроработы заключался во внедрении отдельных улучшений агрикультуры в возможно большее количество крестьянских хозяйств. В начале 1920-х гг. в условиях острого дефицита кадров и средств массовые мероприятия по-прежнему проводились в рамках «ударных» кампаний, позволявших на короткий срок сосредоточивать на выполнении какой-либо актуальной задачи все силы земельных органов с привлечением советского и партийного аппарата. Кампании могли иметь общерегиональный или локальный, комплексный или специализированный характер. Примерами специали-

11. Он же, «Вопросы классификации и терминологии в общественной агрономии», *Земельный работник Сибири*, 1927. № 7, с. 3.

12. ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 66. Л. 7-8.

13. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*, т. 1 (Москва: Политиздат, 1967), с. 271-72.

зированных кампаний являлись мероприятия по борьбе с определенными видами сельхозвредителей: «головней», саранчой и др. Наиболее масштабными общерегиональными комплексными «ударными» кампаниями стали посевные кампании, в ходе которых земельные органы сосредоточили свое внимание на отборе, подготовке и распространению семенного материала. При этом, «ударные» кампании постепенно лишались «военно-коммунистического» содержания. Начиная с 1922 г., необходимые для посева семена не конфисковывались, а приобретались, а их снабжение нуждающихся хозяйств осуществлялось на основе возвратной семенной ссуды.

Постепенное увеличение штатов сибирских земорганов позволяло переходить от кратковременных кампаний к повседневной планомерной массовой работе. Из массовых мероприятий наиболее широкое распространение в Сибири получили: агропросветительная работа, зерноочистка, борьба с вредителями сельхозрастений и болезнями животных, снабжение населения чистосортными семенами, сельхозинвентарем и машинами, организация случайных пунктов и племенных рассадников, кредитная помощь, землеустройство.

В условиях нэпа тезис о классовой направленности аграрной политики оставался «священной коровой» большевистской теории. Перманентные дискуссии велись лишь по вопросу о методах и пределах ее реализации. Проблема «классового подхода» применительно к организации агрономического обслуживания деревни в основном реализовалась в рамках определения его объектов и специфических приемов агропомощи по отношению к отдельным группам сельского населения. В первые годы нэпа в решениях центральных и местных партийных органов постоянно подчеркивалась необходимость оказания первоочередной помощи малоимущим хозяйствам. Однако, в силу всеобщего обеднячивания сибирского крестьянства подобные призывы имели скорее ритуальный характер.

Улучшение хозяйственного положения в деревне и ставшее более явственным ее имущественное расслоение привели к определенному ужесточению классовой риторики. В резолюции XIII съезда РКП(б) «О работе в деревне» от 31 мая 1924 г. подчеркивалось, что советская власть «должна развивать все в большем размере поддержку маломощных элементов деревни в целях поднятия их хозяйств и ограничения эксплуататорских тенденций кулака».¹⁴ Данный тезис, естественно, перекочевал и в решениях нижестоящих, в том числе земельных инстанций. Состоявшееся в конце того же года 5-е сибирское земельное совещание призвало земельных работников сосредоточить внимание на обслуживании нужд маломощного и среднего крестьян-

14. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*, 9-е изд. (Москва: Политиздат, 1984), т. 3, с. 242.

ства.¹⁵ Тем не менее, и на этот раз какого-либо практического воплощения подобные призывы не имели.

В 1925 г. в рамках проведения курса РКП(б) «Лицом к деревне» произошла определенная либерализация аграрной политики советского государства. С целью стимулирования роста товарности крестьянских хозяйств расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Дезавуировались административные меры в отношении зажиточных хозяйств. Интенсивность антикулацкой риторики в партийных решениях существенно снизилась.

Руководители и специалисты земельных органов Сибири не только поддержали либеральные тенденции, но и попытались их развить при осуществлении агрономического обслуживания деревни. Уполномоченный НКЗ РСФСР по Сибири – заведующий Сибземуправлением (СибЗУ) П. А. Месяцев¹⁶ на апрельском (1925 г.) совещании заведующих губернскими земельными управлениями и губагрономов в докладе «Итоги и перспективы работы земорганов Сибири»¹⁷ определил, что дальнейший подъем сельского хозяйства не может идти за счет подъема бедняцких хозяйств. Для наиболее маломощной части бедноты (с площадью посева до 2-х дес. на двор), по его мнению, характерны иждивенчество, хозпораженчество и психология люмпен-пролетариата. Подъем ее хозяйства требует значительного вложения капитала, что рискованно, так как положительный результат весьма проблематичен. Также нецелесообразно объединение подобных хозяйств в кооперативы и коллективные хозяйства. Беднота, считал П. А. Месяцев, обречена на пролетаризацию, и задача земельных органов по отношению к ней заключается в содействии получения выгодных условий найма. Группа хозяйств с посевами от 2-х до 6 дес. также отличается высокой степенью неустойчивостью. Упрочить свое положение они могут лишь объединяясь в простейшие производственные кооперативы. Задача земорганов в отношении данной группы заключается в содействии в кооперировании и проведении

15. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 850. Оп. 1. Д. 110. Л. 18.

16. П. А. Месяцев (1889–1938 гг.) – член большевистской партии с 1906 г. В 1921–1924 гг. – член коллегии Наркомзема РСФСР, первый декан экономического факультета Петровской земледельческой и лесной академии (затем Темирязевской). Был одним из идеологов и разработчиков Земельного кодекса 1922 г. В октябре 1924 г. командирован в Сибирь в качестве уполномоченного НКЗ РСФСР с назначением на должность зав. СибЗУ. С сентября 1924 г. – член Сибревкома (затем Сибкрайисполкома), с ноября – Сибкрайкома РКП(б). В 1926 г. отозван из Сибири. В последующие годы работал в кооперации, сельхозбанке, Госплане СССР.

17. Доклад П. А. Месяцева изложен в статьях: «Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве», *Жизнь Сибири*, 1925, № 5; «К вопросу об объектах и методах работы земельных работников в деревне», *Земельный работник Сибири*, 1925, № 1.

простейших, доступных этим хозяйствам агрикультурных мероприятий.

Основным же объектом агрообслуживания, по мнению зав. СибЗУ, должны стать середняцкие хозяйства (с посевом от 6 до 10 дес.). «Это как раз и есть тот слой, который легче поддается агрономическому воздействию и, желая увеличить доходность своего хозяйства, легче всего отзывается на агрикультурные улучшения». Применительно к середнякам земорганы должны «не отказываясь от массового метода, а углубляя и расширяя массовые мероприятия <...> обратить главное внимание на проведение мероприятий по коренной реорганизации сельского хозяйства».

Делая упор на обслуживании середняков, земельные работники не должны игнорировать зажиточных крестьян, которые дают возможность проводить в их хозяйствах более сложные агрикультурные мероприятия и улучшения. В связи с этим заведующий СибЗУ дезавуировал обвинения в том, что земработники работают с зажиточными слоями. «Их действия правомерны <...> Крепкое крестьянское хозяйство должно пользоваться нашей всемерной поддержкой, и всякая его травля должна быть прекращена». Проведение в зажиточных хозяйствах сложных агрикультурных мероприятий является не целью, а средством. «Мы проводим их не для оказания помощи зажиточному крестьянству, а в целях показательных, чтобы дать пример для всей окружающей массы хозяйств, чтобы вызвать у них зависть и подражание, чтобы подготовить почву для проведения массовых мероприятий».

В резолюции совещания по докладу об объектах и методах работы земорганов указывалось: «Агрикультурному обслуживанию подлежат все группы хозяйств. Разница только в методах работы. Если массовые мероприятия проводятся по преимуществу в бедняцких и середняцких слоях, то показательные мероприятия, требующие культурности хозяйства и хозяина, новых затрат и т.п., по необходимости ограничиваются более зажиточными и крепкими слоями крестьянства». В опубликованной в журнале «Земельный работник Сибири» информации об итогах апрельского совещания особо подчеркивалась та часть его резолюции, в которой указывалось на необходимость «оказывать всемерную помощь и содействие хозяйственному росту старательно-культурного и хозяйственно-крепкого крестьянства, борясь со всякими попытками смещения его с кулачеством и задержки, таким образом, развития производственных сил в сельском хозяйстве».¹⁸

Руководители и специалисты земельных органов Сибири зажиточных крестьян кулаками не считали. Следуя неонароднической традиции, в разряд последних они относили только тех жителей деревни,

18. *Земельный работник Сибири*, 1925, № 1, с. 56.

которые занимались ростовщицеством и торговлей, а также использовали наемную рабочую силу на постоянной основе. На V Омском губернском земельном совещании, П. А. Месяцев, докладывая об итогах своей поездки по краю, заявил, что он «почти не нашел кулака, а нашел только исправных хозяев».¹⁹

В решениях земельных органов Сибири постоянно декларировалась необходимость оказания агропомощи колхозам. Однако на практике масштабы этой помощи были невелики. Во-первых, число колхозов после перехода к нэпу резко сократилось. В 1927 г. в Сибирском крае в них входило всего лишь 0,7% крестьянских дворов.²⁰ Во-вторых, руководители и специалисты сибирских земельных органов, скептически относились к колхозному движению и его перспективам. П. А. Месяцев на апрельском (1925 г.) земельном совещании определил колхозы как «очень трудно прививающуюся» форму организации сельхозпроизводства.²¹ Считалось также, что обслуживать колхозы должны кооперативные организации. Совхозов в регионе было еще меньше.²² Кроме того, в наиболее крупных из них и в их объединениях (трестах) существовала собственная агрономическая и зоотехническая служба.

Одной из задач, вменяемых в условиях нэпа в обязанности земельных органов, являлась выработка перспективных планов развития сельского хозяйства в подведомственных им районах. Обращение к перспективному планированию исходило как из большевистских установок на внесение плановых начал во все отрасли экономики, так и из осознаваемой в общественной практике, необходимости выбора модели будущего развития аграрной экономики. Определение перспектив сельского хозяйства не было самоцелью, а являлось базовым основанием организации текущего агрообслуживания деревни.

Задача приступить к составлению региональных перспективных сельскохозяйственных планов была поставлена в циркуляре НКЗ РСФСР от 18 августа 1923 г.²³ Сибирское земельное управление, получив директиву, переадресовало его в губземуправления (губЗУ). Итогом его исполнения стала разработка перспективных планов развития сельского хозяйства Омской, Алтайской, Енисейской,

19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 3. Д. 2972. Л. 113об.

20. Гуцин Н. Я., *Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.)* (Новосибирск: Изд-во «Наука», сиб. отд-ние, 1973), с. 219.

21. Месяцев П. А., «Классовое направление аграрной политики...», с. 20.

22. См.: Гуцин Н. Я., *Сибирская деревня на пути к социализму*, с. 397.

23. ГАКК. Ф. 850. Оп. 1. Д. 103. Л. 17.

Иркутской, Томской губерний и Ойротской автономной области.²⁴ Параллельно с составлением перспективных планов на местах велась работа над общесибирским планом. Общее руководство ею осуществлял П. А. Месяцев. Непосредственная же подготовка плана была возложена на комиссию, в состав которой входили руководители и ведущие специалисты СибЗУ И. И. Осипов, В. Е. Максимов (зав. Отделом землеустройства), И. С. Шилдаев (зав. подотделом земледелия и зам. областного агронома по агросети), И. М. Жуйков (зав. Подотделом экономики и статистики), С. С. Марковский (директор Западно-Сибирской (Омской) областной опытной станции). Окончательный вариант плана появился в конце 1925 г. и был опубликован в 1926 г.²⁵

Интересы Сибири, по мнению авторов Перспективного плана, требовали первоочередного развития сельского хозяйства как наиболее эффективной отрасли экономики края: «Сибирь является исключительным сельскохозяйственным районом, где приложение капитала в сельское хозяйство дает наивысший экономический эффект».²⁶ Основываясь на данной теоретической посылке, один из главных идеологов плана главный агроном края И. И. Осипов заявлял: «Расцвет Сибири немыслим без восстановления и усиления сельского хозяйства, а потому при построении мер экономической политики следует исходить, прежде всего, из учета его нужд и потребностей».²⁷ При этом в тексте плана указывалось, что наращивание аграрного производства в регионе отвечает не только интересам Сибири, но и страны в целом, поскольку достигнутое вследствие этого повышение покупательной способности сельского населения края значительно расширит рынок сбыта для продукции промышленности европейской части страны и тем самым создаст надежную базу для ее поступательного развития. Сельское хозяйство региона в перспективе должно было специализироваться на производстве

24. *Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии* (Омск: Изд. Омского губземуправления, 1924); *Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии* (Омск: Изд. Омского губземуправления, 1924); *Перспективный план развития сельского хозяйства Томской губернии* (Томск: Б.и., 1926); «Перспективный план развития сельского хозяйства в Иркутской губернии», Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1361; «Перспективный план восстановления сельского хозяйства Енисейской губернии на десятилетие 1924–1933 гг.», ГАКК Ф. 850. Оп. 1. Д. 103. Кроме того, непосредственно в краевом земельном управлении был разработан Перспективный план восстановления сельского хозяйства Ойротии, ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 295.

25. *Сельское хозяйство Сибирского края* (Новосибирск: Изд-во «В помощь земледельцу», 1926), вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства (Новосибирск, 1926); вып. 2: Перспективный план.

26. *Сельское хозяйство Сибирского края*, вып. 2, с. 7.

27. Осипов И., «Пути развития сельского хозяйства Сибири», *Будущее Сибири. Перспективы хозяйственного развития* (Новосибирск: Сибкрайиздат, 1925), с. 65.

животного масла, пшеницы, льна и свинины, большую часть которых планировалось вывозить за рубеж, а Сибирь в итоге стать «крупным экспортным сельскохозяйственным районом (напоминающим собой Канаду)».²⁸

Авторы плана осторожно, чтобы не получить обвинение в антимарксизме, но достаточно твердо отвергали необходимость коллективизации деревни: «Придавая чрезвычайно важное значение коллективным формам сельскохозяйственного производства и учитывая растущую при этих формах производительность труда и возможность более рациональной организации хозяйства, все же Сибирское краевое земельное управление базируется в основе на существующих и господствующих ныне формах массового крестьянского хозяйства, так как трудно пока предугадать темп и время перехода массового крестьянского хозяйства к этим совершенным формам».²⁹

В качестве социальной базы и основного объекта реконструкции сельского хозяйства в «Перспективном плане» рассматривались семейно-трудовые крестьянские хозяйства. Каждое из них в течение 25 отводимых для исполнения плана лет предполагалось довести до оптимального организационно-хозяйственного размера.

Существенное место в плане отводилось кооперации, ей надлежало сыграть решающую роль в организационно-технологической перестройке аграрного производства. Основным направлением развития кооперации становилась ее специализация. Если во время составления Перспективного плана сельскохозяйственная (кредитная) кооперация одновременно выполняла ссудные, товаропосреднические, сбытовые, агрикультурные и производственные функции, то в будущем каждую из этих операций следовало передать отдельным видам кооперации. В итоге сибирские крестьяне становились членами специализированных закупочно-сбытовых, перерабатывающих (прежде всего маслодельческих), мелиоративных, машино- и товароснабженческих, семеноводческих, племенных и т.п. кооперативов.

Наряду с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, объединенными в кооперацию, определенное, но достаточно скромное место в будущей системе аграрного производства региона должны были занять коллективные и государственные хозяйства. Колхозы, призванные объединить беднейшие и неспособные к самостоятельному хозяйствованию слои деревни, предполагалось специализировать на семеноводческой и племенной работе. Те же функции возлагались и на совхозы. Помимо этого, совхозам надлежало заниматься коневодством для армейских нужд и мериносовым овцеводством.

Организационные схемы оптимальных крестьянских хозяйств в «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского

28. *Сельское хозяйство Сибирского края*, вып. 2, с. 7.

29. Там же, с. 6.

края» для всех природно-географических районов строились на основе травопольных севооборотов. Травополье – разработанная известным российским почвоведом академиком В. Р. Вильямсом система земледелия, повышение плодородия в которой достигается за счет введения в севообороты значительного (до 50%) клина сеяных трав. Травопольные севообороты также предполагали наличие паров и чередование культур.

Одной из наиболее принципиальных организационных задач «травопольного проекта» являлась выработка поэтапного алгоритма его реализации, поскольку одномоментный перевод более чем десятка сотен тысяч распыленных на огромной территории крестьянских хозяйств от одной агротехнической системы к другой был абсолютно исключен. В первую очередь следовало решить вопрос о выборе формы землепользования наиболее благоприятной для внедрения травополья. Данная система земледелия с многолетними севооборотами предполагала выделение каждому их вводящему хозяйству отдельно расположенного, компактного земельного участка на практически неограниченный срок. Обеспечить данное условие в рамках сибирской многодворной крестьянской общины было практически невозможно. Закрепленные за отдельным хозяйством земельные участки, как правило, были разбросаны по территории общины и находились достаточно далеко как друг от друга, так и от двора. В ряде земельных обществ наделы подвергались периодическим полным или частичным переделам. В тех общинах, в которых переделы не практиковались, их потенциальная возможность все же сохранялась.

Требованиям устойчивости землепользования в полной мере отвечали хутора. Поэтому травопольные севообороты в крестьянском секторе аграрной экономики первоначально внедрялись только в хуторских хозяйствах. Однако, некоторые особенности хуторской системы землепользования делали невозможным массовое тиражирование данной формы землепользования в Сибири. В сельскохозяйственной литературе указывалось на то, что хутор, хотя и пригоден для земледелия, но не отвечает требованиям рационального ведения животноводства. Кроме того, на юге края условия водоснабжения препятствовали выделению хуторских участков. И, наконец, хуторское разверстание затрудняло объединение в крестьян в простейшие производственные кооперативы.

В качестве альтернативы общинной и хуторской форм землепользования был избран небольшой поселок, выделенный из многодворной общины – выселок. Существовали различные точки зрения на оптимальные размеры выселка. В «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края» в различных сельскохозяйственных районах региона в поселок включалось от 10 до 30 дворов. В

рамках выселка крестьяне должны были получать постоянные и не подлежащие переделу земельные участки – отруба. В их совместном владении оставались выгон и источники водоснабжения. Находящиеся на территории поселка хозяйства объединялись в поселковые товарищества, которым принадлежали животные-производители и сельскохозяйственные машины – многолемешные плуги, сеялки, сенокосилки, конные грабли, жатки, молотилки, веялки и т.п. Более сложная сельхозтехника сосредоточивалась на кооперативных прокатных пунктах. Менее же сложный сельхозинвентарь (плуги, бороны, телеги, сани и т.п.) оставался в индивидуальных хозяйствах.

Построенный на данных принципах выселок позволял преодолеть издержки многодворной передельной общины, облегчал таким образом внедрение травопольных севооборотов и в то же время не нес в себе недостатков хуторской системы. Исходя из этого «поселкование» с разделом сельхозугодий внутри выселков на постоянные отруба было провозглашено наиболее оптимальной формой рационализации крестьянского землепользования в Сибири.³⁰

Выбор выселка в качестве основного объекта внедрения травополья внес коррективы и в определение наиболее перспективных методов агрономического обслуживания. С целью концентрации имеющихся сил и средств на комплексной перестройке крестьянских хозяйств был разработан так называемый гнездовой метод агрообслуживания. При гнездовом методе в пределах агрономического участка (сельского района) выбиралось 1–2, максимум 3 выделенных из общины и компактно расположенных поселка – «гнездо». В его рамках должен был проводиться одновременный согласованный комплекс мероприятий (землеустройство, кредитование, агрономическая и зооветеринарная помощь, снабжение семенами, машинами, кооперирование и др.) по реорганизации крестьянских хозяйств. На работе в «гнезде» сосредоточивались все наличные силы специалистов сельского хозяйства. Конечной целью работы был подъем всех хозяйств до оптимального уровня. После этого следовало переходить к обслуживанию других гнезд, по мере накопления сил и средств увеличивая их размеры, и в итоге завершить перестройку крестьянских хозяйств в масштабах всего района.³¹

Новый метод агрообслуживания первоначально названный групповым был разработан и апробирован специалистами Омского губЗУ. В губернском перспективном плане он определялся как разновидность индивидуального, поскольку предполагал работу с единоличными

30. ГАНУ. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 79. Л. 14; Максимов В. Е., «К начинающейся землеустроительной кампании», *Земельный работник Сибири*, 1925, № 1.

31. См.: Осипов И. И., «Групповой (гнездовой) метод агрономической работы», *Земельный работник Сибири*, 1926, № 7.

хотя и компактно расположенными хозяйствами.³² На V сибирском земельном совещании в 1924 г. данный метод получивший определенное гнездовое рассматривался как самостоятельный и был официально принят в качестве дополнения к массовому.³³ В октябре 1925 г. на места был направлен циркуляр крайземуправления, в котором участковому агроперсоналу предлагалось «отдать решительное предпочтение» гнездовому методу.³⁴ 6 апреля 1926 г. гнездовой метод был санкционирован бюро Сибкрайкома ВКП(б).³⁵

Гнездовой метод должен был в известных пределах сочетаться с индивидуальным и массовым. Однако в рамках данных методов участковым специалистам основное внимание следовало уделять внедрению отдельных элементов или переходных форм «оптимального» хозяйства. Так, агрономы должны были проводить в «культурных» хозяйствах опыты по районированию травопольных севооборотов, а также внедрять в массовое крестьянское хозяйство культуру сеяных трав. Особое внимание следовало уделять районированию и репродуцированию их семян. Переходной формой регулирования внутриселенных земельных отношений, которая позволяла «инициативным группам возможность вводить улучшения в хозяйстве, вплоть до введения правильного паротравопольного севооборота» и в то же время не создавала препятствий для образования выселка в будущем, называлась разбивка многодворных селений на мелкие земельные общества, размеров оптимальных поселков, с отводом каждому такому обществу самостоятельного участка в полевом наделе.³⁶

Осуществление «нового курса» большевистской партией по отношению к крестьянству позитивно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства и улучшило социально-политическую обстановку в деревне. Однако уже в конце 1925 г. началась корректировка аграрной политики. Основанием для этого стала негативная оценка партийным руководством страны итогов прошедшей в начале 1925 г. кампании по перевыборам сельсоветов. Относительная демократизация выборов привела к существенному снижению доли бедноты и коммунистов в составе советов. Подобные результаты были восприняты как тревожный симптом, требующий политического купирования.³⁷ В связи с этим октябрьский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б) поставил в повестку дня текущей политики задачу «сплочения бедноты и батрачества вокруг партии и Советского

32. *Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии*, с. 370.

33. *Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания*, с. 21.

34. ГАКК. Ф. 850. Оп. 1, Д. 97. Л. 466.

35. *Известия Сибкрайкома*, 1926, № 4, с. 58.

36. Максимов В. Е. К начинающейся землеустроительной кампании, с. 19.

37. См.: Гушин Н. Я., Ильиных В. А., *Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг.* (Новосибирск: Изд-во «Наука», сиб. отд-ние, 1987), с. 114-16.

государства». Одним из методов укрепления союза с деревенской беднотой должно было стать оказание ей различных видов «материальной, культурной и политической помощи».³⁸

Постановка данной задачи применительно к деятельности земельных органов реализовалась в требовании обязательной дифференциации агрономических мероприятий. Под этим понималась не выработка особых приемов работы в отношении всех социальных групп деревни, а увеличение объемов агропомощи бедноте и ее минимизация для зажиточных крестьян. Указание на необходимость дифференциации агромероприятий содержалось в постановлении президиума Сибкрайисполкома от 24 февраля 1926 г.³⁹

Дифференциации агромероприятий первоначально вызвала непонимание и отторжение со стороны части земельного аппарата. Особенно острая дискуссия по этому поводу развернулась на совещании заведующих окружных земельных управлений (окрЗУ) и окружных агрономов в мае 1926 г. Заместитель заведующего крайЗУ И. И. Скороспешкин, указав, что в планах работ земорганов и в их практической деятельности отсутствует дифференциация мероприятий, потребовал исправить существующее положение.⁴⁰ Ряд участников поддержал данную позицию. Однако большая группа выступивших высказала сомнения в реальности практического воплощения дифференцированного подхода и в его целесообразности. В опубликованном на страницах «Земельного работника Сибири» отчете о совещании сообщалось: «По поводу дифференциации мероприятий выступавшие высказывали опасение в возможности проведения ее ввиду того, во-первых, что в селениях различные крестьянские экономические группы перемешаны, а во-вторых, вследствие отсутствия опыта в этой части и общей сложности вопроса».⁴¹ По мнению одного из участников совещания, Куншенко, село должно рассматриваться как единое целое. Особенно резко против дифференциации агромероприятий выступил И. С. Шилдаев, который в защиту своей позиции привел следующий пример: «На случный пункт приводят двух кобылиц, из которых одна принадлежит бедняку, а другая – зажиточному. Кобыла бедняка – крыса [так в источнике. – В. И.], а это часто бывает, а кобыла зажиточного – рысистая. С которой из них случить производителя? Я как агроном должен заботиться об улучшении сельского хозяйства, а не заниматься собесом. И я, не задумываясь, случил бы с рысистой кобылой, принадлежащей зажиточному». И. И. Скороспешкин в заключительном слове подверг критике позицию И. С. Шилдаева, заявив: «Мы – орган пролетарского государства,

38. КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 415.

39. ГАНУ, ф. Р-518, оп. 1, д. 245, л. 75.

40. Там же, ф. Р-1072, оп. 1, д. 213, л. 5.

41. *Земельный работник Сибири*, 1926, № 7, с. 56.

целью какового является осуществление социализма в деревне. Значит не только задачи культурные, но и политические должны быть у нас на первом плане».⁴² В итоге совещание приняло решение, обязывающее земорганы всех уровней придерживаться дифференцированного подхода.

В ходе обсуждения данной проблемы на последующих земельных совещаниях и в прессе, были выработаны следующие приемы работы с беднотой⁴³:

1) Вовлечение в производственные и сбытовые кооперативы: ма-слоартели, машинные, семенные, поселковые, контрольные и другие товарищества.

2) Льготное снабжение сельхозмашинами и кредитование; оказание помощи в оптимальном использовании кредита и применении машин и сельхозинвентаря.

3) Особый порядок землеустройства: первоочередной прием заявок, выделение более лучших участков без жеребьевки, льготы по оплате или бесплатное проведение.

4) Проведение посильных агрикультурных мероприятий: закладка показательных посевов с выдачей семян; утепление существующих, а не строительство новых теплых скотных дворов и т.п.

5) Первоочередное льготное или бесплатное выделение на прокат сельхозинвентаря имеющегося на агропункте; снижение, отмена или отсрочка платежей за случку сельскохозяйственных животных.

6) Выбор в качестве объекта для «гнездования» бедняцких поселков или групп бедняцких хозяйств в селе для их выделения в выселок.

Помимо проведения специальных мероприятий с бедняцкими хозяйствами перед земельными органами была поставлена задача усиления внимания к организации агрообслуживания колхозов.

Несмотря на неоднократные указания партийных и советских органов, а также нового руководства крайЗУ, в полной мере реализовать требования «классового подхода» в практической деятельности земельных органов Сибири в 1926–1927 гг. не удалось. В ряде документов констатировалось отсутствие дифференциации агромероприятий, недостаточное внимание к нуждам бедноты, не полный охват колхозов агрообслуживанием. В адресованном заведующим окрЗУ циркуляре заведующего крайЗУ от 5 июля 1927 г. указывалось, что одной из существенных причин недостаточного проведения «классовой линии» в агрообслуживании является «незаметное на первый взгляд, но упорное сопротивление осуществлению нашей партийной

42. ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 213. Л. 27, 28 об, 35 об.

43. См. *Земельный работник Сибири*, 1926, № 11, с. 3-4; 1927, № 3, с. 3; № 7, с. 12; № 9-10, с. 10; Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 82. Л. 231; ГАКК. Ф. 847. Оп. 1. Д. 18. Л. 83-85.

линии», ее сознательное извращение. В циркуляре была поставлена задача принять «решительные меры к тому, чтобы сломить скрытое сопротивление аппарата в вопросах основного направления политики – обслуживании и укреплении социалистического сектора и бедняцкого хозяйства и добиться коренного перелома в настроении работников низовой сети с тем, чтобы взять твердый курс на осуществление в с[ельском] х[озьяйстве] поставленных партией задач».⁴⁴ К циркуляру была приложена «Выписка из секретного материала о работе и состоянии низового земельного аппарата по Сибирскому краю», в которой констатировалось наличие в составе земельных органов края большого процента служащих «с чуждой и антисоветской идеологией».⁴⁵ В этих документах указывалось на необходимость усиления контроля за деятельностью земельного аппарата и его «чистки» «от антисоветского и чуждого элемента».

Беспрецедентный по тону и содержания циркуляра крайземуправления является ярким свидетельством радикализации аграрной политики. Важным этапом на пути оформления новой линии большевистской партии в агро-крестьянском вопросе стал XV съезд ВКП(б), поставивший в непосредственную повестку дня партийных и советских органов задачу коллективизации сельского хозяйства и заявивший о необходимости «более решительного наступления на кулака».⁴⁶ Обосновывая курс на производственное кооперирование В. М. Молотов подверг критике «тех профессоров-аграрников из НКЗ и кое-каких прочих органов, которые выполняя нередко ценнейшие специальные работы, стремятся в общих вопросах политике в деревне проводить свою отличную и на деле враждебную Советской власти экономическую линию, линию кулачества, линию буржуазии».⁴⁷

Решения XV съезда оказали непосредственное влияние на деятельность земельных органов Сибири. Местные последователи упомянутых В. М. Молотовым «профессоров-аграрников» подверглись жесткой критике на партийных форумах и в прессе.⁴⁸ Пересматривались подходы к организации и методам агрономического обслуживания деревни. Персоналу агроучастков предлагалось посвящать 80–90%

44. ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 28. Л. 70 об.–71об.

45. Там же. Л. 72–88.

46. *КПСС в резолюциях...* (Москва, 1984), т. 4, с. 299.

47. *Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет* (Москва: Политиздат, 1962), ч. II, с. 1186.

48. См.: *За четкую классовую линию: Сб.* (Новосибирск: Изд. Сибкрайкома ВКП(б), 1929), с. 152; *IV Сибирская краевая конференция ВКП(б): Стенограф. Отчет* (Новосибирск: Изд. Сибкрайкома ВКП(б), 1929), с. 52; Нусинов И. О., «культурничество» и коллективизации», *На ленинском пути*, 1928, № 5, с. 6; «Подгорнов. Классовая линия в работе земорганов Сибирского края», там же, 1929, № 18; Куликов А., «Генеральная линия», *Земельный работник Сибири*, 1928, № 1; «Дандэн. На переломе», там же, № 4-5; Д. П. «О некотором современном руководстве и установках для нас вредных», там же, № 7-8; и др.

своего рабочего времени колхозам. Дезавуировалась точка зрения о том, что социализм в деревне может быть выражен суммой культурных хозяйств. Какая-либо работа с зажиточными хозяйствами, в том числе и «культурными», признавалась абсолютно недопустимой. Более того, от подобных «культурников» следовало «решительно отмежеваться».⁴⁹ В единоличном секторе перед агрономами была поставлена задача обслуживания бедноты и середняков «с тем, чтобы в возможно более короткий срок привести их хозяйство к коллективному».⁵⁰ «Отпор» был дан «принципам и теориям земской агрономии». В частности, критике был подвергнут «общественный» характер агрообслуживания, который реализовался в «обособлении агроучастков от местных (районных) властей».⁵¹

Ревизии подлежал «гнездовой» метод. А. Куликов в опубликованной на страницах «Земельного работника Сибири» статье на примере нескольких поселков, подвергнутых «гнездованию», доказывал, что они превратились в «питомники капиталистических хозяйств», а живущие в данных поселках крестьяне отрицательно относятся к перспективе коллективизации, которая, таким образом, была подменена «кулактизацией». А. Ананьев на страницах «Советской Сибири» определил поселки, в которых была проведена комплексная реорганизация крестьянских хозяйств, как «гнезда капитализма». Задерживающим коллективизацию был признан раздел сельхозгодной поселка на постоянные отруба. Более того, С. Бузиновский назвал ошибочной даже проводимую в них работу по объединению крестьян в простейшие производственные кооперативы, поскольку они давали возможность для сохранения «индивидуальности крестьянского хозяйства (то есть его капиталистической сущности)». По мнению В. Дементьева, «развертывающаяся агроработа в гнездах единоличных крестьянских хозяйств без достаточного количества агрономических сил и средств» приводит к ослаблению обслуживания коллективных хозяйств.⁵² В связи с этим предлагалось в качестве объекта «гнездового метода» впредь избирать только колхозы, быстрый подъем которых на основе комплексной рационализации должен был явиться катализатором коллективизации. Обслуживание

49. *Земельный работник Сибири*, 1928, № 4–5, с. 16, 17; № 10, с. 54.

50. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 2530. Л. 34.

51. *Земельный работник Сибири*, 1928, № 7–8, с. 91–92.

52. Куликов А. «О паротравополе, гнездовом методе и о подмене коллективизации кулактизацией», *Земельный работник Сибири*, 1928, № 9; Дементьев В., «Еще о гнездовом методе работы», там же, 1928, № 10; Гридусов, «В чем суть дела? Как надо правильно понимать директиву партийного съезда», там же, № 4–5; Бузиновский С., «О методах работы по реорганизации хозяйств в засушливых районах», *Земельный и лесной работник Сибири*, 1929, № 2–3; *Советская Сибирь*, 1928, 16 июня.

«трудовых» единоличных хозяйств могло проводиться в рамках массового метода.

Изменились не только подходы к организации агрообслуживания, но и его приемы, которые снова приобрели «военно-коммунистическое» содержание. Уже весной 1928 г. была проведена «ударная» весенняя посевная кампания. Основными организаторами этой и последующих сельскохозяйственных кампаний стали партийные и советские органы. Низовой агроперсонал привлекался к участию не только в сельскохозяйственных, но и иных хозяйственно-политических кампаниях: хлебозаготовительных, по выявлению объектов обложения, распространению госзаймов и др. В течение 1928–1929 гг. произошел переход от убеждения крестьян в необходимости проведения агромероприятий к принуждению их выполнения, что знаменовало собой окончательное свертывание нэпа.

За публичной критикой и ревизией методов работы земельных органов последовали организационные выводы. Началось устранение «буржуазных и мелкобуржуазных» специалистов с руководящих должностей в краевом и окружных земельных управлениях. В 1929 г. по указанию Сибкрайкома ВКП(б) была проведена массовая «чистка» земельного аппарата.⁵³ В августе – октябре 1930 г. по обвинению в принадлежности к мифической «Трудовой крестьянской партии» были арестованы, а в апреле 1931 г. осуждены 35 известных сибирских специалистов и ученых аграрников, в т.ч. И. И. Осипов, В. Е. Максимов, И. С. Шилдаев, И. М. Жуйков, С. С. Марковский.⁵⁴

Таким образом, впервые годы осуществления новой экономической политики широко использовались «военно-коммунистические» приемы воздействия на крестьянское хозяйство. По мере развертывания нэпа происходила постепенная либерализация аграрной политики, пик которой пришелся на 1925 – первую половину 1926 г. в начале 1920-х гг. В это время руководители и ведущие эксперты земельных органов Сибири при выборе объектов и методов агрономического обслуживания деревни, а также определении перспектив ее развития опирались на разработанные ведущими представителями организационно-производственной школы российской аграрной науки и прежде всего А. В. Чайновым концепции: приоритета аграрной экономики, оптимальности и устойчивости семейного крестьянского дворохозяйства, «кооперативной коллективизации», общественной агрономии. В своей практической работе специалисты земельных органов региона фактически отказались от т.н. классового подхода, который заключался в приоритетной поддержке бедноты и колхозов. В качестве основного объекта обслуживания были избраны зажиточ-

53. См.: *За социалистическое земледелие*, 1929, № 2, № 3.

54 Папков С. А., *Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири* (Москва: РОССПЭН, 2012), с. 117-18.

ные крестьянские хозяйства, имеющие, по их мнению, значительный потенциал для поступательного развития. Подобный подход в целом соответствовал тактической линии Коммунистической партии в аграрном вопросе. Однако по мере эволюции этой линии приоритет в текущей работе в деревне вновь был отдан «классовому подходу». В течение 1928–1929 гг. был осуществлен возврат к «военно-коммунистическим» методам реализации аграрной политики. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. последовало устранение «мелкобуржуазных и буржуазных» экспертов из земельных органов, а затем политические репрессии против них.